
О Н. В. ЛАРЦЕВОЙ И ЕЕ ВЫСТУПЛЕНИИ НА ЦВЕТАЕВСКИХ ЧТЕНИЯХ В ЕРЕВАНЕ

ТАТЬЯНА ГЕВОРКЯН

В 2002 году в Российско-Армянском (Славянском) университете проведены были в Армении Цветаевские чтения. Традицией они не стали, о чем можно только сожалеть, ибо интерес к ним со стороны филологов-русистов, культурной общественности и студенчества оказался на редкость искренним и широким.

Единственным иногородним и – волею судеб – иностранным участником чтений была Наталья Ларцева. О ней, в вынужденной краткости, эти странички.

Познакомились мы в 2001-м на Цветаевской конференции, из года в год проводимой в конце сентября в подмосковном Болшеве. Я впервые попала тогда на этот представительный форум, и мне, как иностранке, надо полагать, назначено было выступать на пленарном заседании – в числе именитых цветаеведов: из Парижа приехала Вероника Лосская, доклад Анны Саакянц, в то время уже болевшей, прочла-исполнила Антонина Кузнецова, сделала она и свой собственный доклад. А потом настал мой черед. Оказавшись в незавидном для неопита провальном практически положении, я, сочувственно кивнув Антею, припала к родной почве: напомнила залу, как давно и прочно связано имя Цветаевой с Арменией, рассказала о недавно (1999) вышедшей книге «Марина Цветаева в ереванских публикациях 1960 – 1990-х годов» и о моем в ней участии и лишь затем, предьявив, так сказать, визитную карточку, приступила к теме своего доклада... Зал отозвался мне на удивление тепло и радушно.

А на следующий день началась работа секций. И мне посчастливилось попасть в ту самую секцию, где выступала Наталья Ларцева. За давностью лет не могу припомнить других докладчиков. Но как же ярко запечатлелся ее – из аудитории увиденный – образ! По календарным меркам немолодая уже женщина, она заставляла забыть обо всех стереотипах: живая, естественная и артистичная (никакого оксюморона, именно так, в одно слово – естественно-артистичная), в речи, в интонациях и жестах неотразимая, умеющая всем своим обликом – включая и крылатую какую-то, в полет устремляющую кофту-тунику – дополнить, высветить и наделить особой заразительностью смысл говоримого, суть рассказа. А иначе чем рассказом, *сказом* ее выступление и назвать нельзя было. И, конечно же, никаких листочков, никакого заранее подготовленного текста – чистая импровизация, опирающаяся на богатство знаний и высокую культуру слова.

Все расходились на перерыв, а я не торопилась покидать аудиторию: кулуары хороши для своих, чужаков они не очень-то жалуют. Так, во всяком случае, мне тогда думалось. И вдруг к моему столу подошла Наталья Васильевна. Решительно и щедро поприветствовала мое появление в содружестве почитателей Цветаевой, исследователей ее творчества. Сказала, что в ее домашней библиотеке в Петрозаводске давно уже живут всеми правдами и неправдами раздобытые когда-то, легендарные номера «Литературной Армении» с публикациями прозы Цветаевой и мемуаром Ариадны Эфрон. А еще попросила, если не затруднит, передать в Ереване ее книжку Армену Ованесяну. Оказалось, Наталья Васильевна еще в советские годы с группой журналистов побывала в Армении, полюбила страну, подружилась с принимавшими их коллегами, особенно с Арменом Ованесяном – переводчиком русской литературы, известным тележурналистом, интересным и обаятельным человеком. И вот спустя годы, поверх разлучительных 1990-х ей захотелось послать ему свой привет. И не просто привет, а очень дорогую ее сердцу книгу «Театр расстрелянный».

Хотя к Цветаевой эта книга не имеет отношения, не вижу никакой возможности обойти ее молчанием в разговоре о Наталье Ларцевой. Книга посвящена памяти родителей – Анисьи и Василия Лапиных. Они были актерами. Отца забрали в январе 1938 года. Близких, по иезуитской этике тех лет, долго морочили эвфемизмом «отбывает срок в Дальневосточных лагерях без права переписки». Подрастающая Наташа писала письма Сталину, уже студенткой съездила в Москву, чтобы попасть в Кремль и добиться справедливости – ведь очевидно же, что произошла ошибка. Правда, «докарабкалась», как она пишет, только до министра народного образования. И уехала, разумеется, ни с чем. А в 1953-м, уже после смерти «отца народов», ее пригласили в Большой дом на Литейном, где впервые увидела она воочию следственное дело своего отца и услышала, что он, действительно, не враг народа. То была еще не официальная реабилитация, ее пришлось ждать еще два года. А потом еще много лет пришлось ждать дня, когда «дело отца» можно будет не только увидеть издали, а прочесть-изучить, раскопать всю историю обрушившихся на театр репрессий, разыскать и перебрать в архивах сотни документов, найти сокамерников и подельников Василия Лапина, вступить с оставшимися в живых в переписку. И, наконец, спустя столетия после ареста, уже в преддверии нового века написать и издать (1998) книгу об отце, которого у нее отняли, когда ей не было еще и семи лет.

Зачем? Этот вопрос задавала себе Наталья Васильевна. Себе и нам ответила на него так:

«...Очень трудно мне пишется. Словно гири на руках. Словно кто-то под локоть: кому это сегодня интересно? У каждого десятого в этой стране кто-то сидел. Но у меня был один отец. Его убили.

Много таких? Много. Вот поэтому и пишу. Хочу разобраться. Или помочь разобраться тому, кто напишет когда-нибудь истинную историю нашего государства»¹.

¹ **Наталья Ларцева.** Театр Расстрелянный. Петрозаводск, 1998, с. 61 -62.

Но вернемся к Цветаевой. Встреча с ней случилась в середине 1960-х. Наталья Васильевна с неподражаемой интонацией любила рассказывать, как во время ее поездки в Италию профессор Болонского университета, протягивая ей книгу Цветаевой «После России», спросил, читала ли она ее. И выпускнице филологического факультета Ленинградского университета, имеющей все основания полагать, что хорошо знает русскую литературу, пришлось признаться, что она впервые слышит имя Цветаевой. (Чем не страничка в «истинной истории нашего государства?»). Так, получив из рук итальянца вершинную книгу великого русского поэта, Наталья Ларцева встретила со своей – на всю оставшуюся жизнь – любовью. Любовью преданной, деятельной, заразной для окружающих.

Много позже Наталья Васильевна напишет: «Наши печали и радости, наши озарения идут по замкнутому кругу. Мы открываем для себя миллион раз другими открытое. И тот из поэтов любим, кто нашел точную словесную формулу твоему смятению, твоей боли, твоему ликованию. За тебя до тебя выразил. И тем радость удесятирил. Или остудил боль»².

Эта блокнотная запись может на равных основаниях относиться к любому поэту и все же очевидно, что адресована она непосредственно Цветаевой, слово которой в радости и в беде, в смятении и ликовании стало для Натальи Ларцевой мудрой формулой – ответом на заданный жизнью вопрос, советом на жизненном перепутье, дружеским из прошлого приветом. Недаром так часто вспоминала и читала она цветаевские строки:

*Емче органа и звонче бубна
Молвь – и одна для всех:
Ох, когда трудно, и ах, когда чудно,
А не дается – эх!*

Вообще читала она Цветаеву замечательно. Не так, как это делают профессиональные чтецы, – гораздо проще. Придавая стиху разговорную интонацию, нимало не смущаясь обилием синкоп и восклицаний, умея голосом, дыханием и жестом проставить необходимые акценты и при этом сохранить плавность поэтической речи, мелодичность чеканных цветаевских формул.

«Песня и формула» – так назвала Наталья Ларцева составленную ею книгу непреднамеренных афоризмов Цветаевой, естественным потоком вылившихся на страницы ее стихов, писем, прозы, рабочих тетрадей. Это была вторая³ книга Цветаевой от Натальи Ларцевой. Миниатюрное, подарочное, одетое в ивановский ситец издание, увидевшее свет в год 100-летия поэта. Любовно задуманное и исполненное.

² **Марина Цветаева.** Деревья! К вам иду! Петрозаводск, 2002, с. 212.

³ О первой («Где отступает любовь»). Сборник 40-го года. Последние стихи и письма. Воспоминания современников), изданной в 1991 году, к 50-летию со дня смерти Цветаевой, подробно говорится в представленном ниже выступлении Н.В. Ларцевой.

А спустя десять лет вышла третья книга – «Деревья! К вам иду!». Только человек, чутко чувствующий Цветаеву, мог замыслить этот томик. Ибо сад, лес воспринимался Цветаевой как совершенный мир, как обитель тишины и покоя, как единственное на этой грешной земле пристанище Бога. А в каждом отдельном дереве видела она друга и собеседника. Одно становилось для нее символом родины, другое эталоном красоты и мощи, третье – неподражаемой индивидуальности. И все вместе были «братственным сонмом». Казалось бы, ни для кого эта цветаевская привязанность к древесному миру не секрет. Но только Наталья Васильевна догадалась собрать поэтические и прозаические высказывания Цветаевой о деревьях и сделать их сквозной темой книги – глубоко авторской, личностью составителя осененной.

В чем смысл и цель этого издания, с какими надеждами оно создавалось сказано во вступительном слове:

«Эта книга задумана мной, как “тропинка, вырастающая под ногами и за-растающая по следам”, в надежде, что каждый проторит свою...»

Собрать воедино все, что написано Цветаевой о деревьях, и рассыпать по книге вольно, перемежая стихи и прозу, мне хотелось давно, ибо цветаевские деревья – вехи на пути к заповедному лесу, который шумит, тянется ввысь, дает небывалые всходы в душе и зовется – Марина Цветаева. <...>

Книга отнюдь не литературоведческая. Я обхожусь без комментариев, без дат, зачастую нарушаю хронологию, приняв как данность то, к чему шла и пришла Цветаева:

*Все признаки с меня, все меты,
Все даты – как рукой сняло:
Душа, родившаяся – где-то...*

В таком поэте, как Цветаева, мне кажется, неизбежны темноты.

Каждый должен как месяц ущербный сам дорасти до полнолуния. Эти слова Рильке в данном случае к месту»⁴.

Да, не литературоведческая. Как и сама Наталья Васильевна не литературовед. Во всяком случае, она себя таковой не считала. Говорила, что всего лишь с любовью дарит Цветаеву людям, изучает и популяризирует творчество поэта во благо все новым читателям. В наши дни, когда литературоведение из двух значений слова «ведать» (знать и заведовать) все больше склоняется ко второму, вместо бережного толкования (понимания) художественного текста предлагая своевольные трактовки, распоряжаясь словом писателя как средством в неких идеологических или концептуальных построениях, выбор Натальи Васильевны кажется мне не только справедливым, но и мудрым.

Она была неутомима в *узнавании* Цветаевой. Книг, журналов, многочисленных публикаций и конференций ей было мало. Она знакомилась с людьми, которые могли рассказать о Цветаевой, подружилась с ее сестрой Анастасией Ивановной, услышала из ее уст драгоценные сведения о поэте, ведомая ею,

⁴ **Марина Цветаева.** Деревья! К вам иду! с. 5.

обошла все «цветаевские» скверы, улицы и переулочки в центре Москвы, услышала в ее исполнении и записала на магнитофон ранние стихи Цветаевой. А много позже написала мемуарный очерк о ней, равного которому мне читать не доводилось.

Она была знакома с ведущими цветаеводами. Анна Саакянц очень ценила ее, писала ей в высшей степени доверительные письма. Она вела обширную переписку, поддерживала деятельно-дружеские отношения со всеми, кажется, музеями Цветаевой, помогала им, чем могла. Старалась не пропускать ежегодные конференции и всегда была желанной гостьей в Борисоглебском доме, в Болшеве, в Тарусе, Александрове, Елабуге.... Ее естественно-артистичные рассказы всегда слушали с особым интересом и вниманием, ибо говорила она со вкусом – помимовольно прививая аудитории хороший вкус устного высказывания и одновременно вкушая удовольствие от безошибочно адресованного и потому благодарно воспринимаемого собственного слова.

Так же неутомима была она в организации интересных творческих встреч, вечеров поэзии. Выступала сама, приглашала гостей с лекциями, чтением стихов. Откликалась в прессе на каждое значительное культурное событие, умела находить изюминку даже в том, что не вполне отвечало ее вкусу. Как было, например, с фильмом «Зеркала», где не могла не оценить игру талантливой актрисы Виктории Исаковой, которая в рамках поставленной перед ней задачи была очень убедительна. Другое дело, что сама постановка задачи далеко уводила от истинного образа Цветаевой.

Она всегда была окружена поэтами, музыкантами, художниками, поклонниками и деятельными друзьями. К ее мнению прислушивались – авторитет ее был очень высок. Она была удостоена звания заслуженного работника культуры России и Карелии. Что, конечно, замечательно и справедливо, и все-таки жаль, что нет у нас, как в Японии, титула «живое национальное сокровище» – он пришелся бы ей как раз впору и обозначил бы признание ее заслуг душевнее, щедрее и, по большому счету, точнее.

Напоследок – о любимом детище Натальи Васильевны. В 2000 году она приобщила Карелию к традиции Цветаевских Костров. И с тех пор каждый год в любую погоду (мне довелось однажды побывать на этой поляне и стать свидетелем того, как под проливным дождем искрилось пламя и никому в голову не приходило спастись от ливня бегством) близ Петрозаводска в день и час смерти поэта загорается Костер. Вокруг него собираются люди разного возраста, приводят с собой детей, читают стихи, поют под гитару. Впрочем, правильнее сказать – вокруг него и вокруг Натальи Ларцевой...

Цветаевой пришлось постранствовать на своем веку. Поэтому мест, связанных с ее именем, много. Вспоминая о своих поездках, Наталья Васильевна писала: «Я поднималась на Петршин холм в Чехии и на Кара-Даг в Коктебеле, бродила в березовых рощах Тарусы и в сосновых борах Елабуги. Кружила и кружила по переулкам старого Арбата, по Тверскому бульвару, по Трехпруд-

ному... И всюду мне навстречу шумели деревья, я знала о ком»⁵.

Мне, разумеется, известно, что Цветаева никогда не бывала в Карелии. Но когда я бродила под невысокими кронами карельских берез (есть такая заповедная роща неподалеку от водопада Кивач, воспетого Державиным), я тоже знала, о ком они шумят. Потому что любовь, душевная посвященность, многолетнее служение Натальи Ларцевой узами родства связала с Карелией имя Марины Цветаевой.

Натальи Васильевны не стало весной этого года. Сохранится ли живая нить связи, сотканная ею? Хочется думать, что сохранится..

Ниже познакомим читателей с текстом выступления Натальи Ларцевой.

Всякая случайность закономерна

Я привезла с собой три книги и хочу подарить их библиотеке университета. Это книги «Где отступается любовь...» (Сборник Цветаевой 40-го года), «Марина Цветаева. Песня и формула» (1992) и «Деревья! К вам иду!».

Последняя из них вышла в этом году (2002). К ней я шла очень долго, она мне особенно дорога. Мне до сих пор не верится: неужели сбылось, неужели я успела сказать то главное, что в моем восприятии и есть Марина Цветаева?! Здесь я собрала воедино то, что написано Цветаевой о деревьях и рассыпала по книге вольно, перемежая стихи и прозу, ибо цветаевские деревья – вехи на пути к заповедному лесу, который шумит, тянется ввысь, дает необычные всходы в душе и зовется Марина Цветаева.

Но, пожалуй, правильнее будет рассказать сегодня о первой книге, о ее замысле и воплощении.

Это небольшой сборник, который готовила к изданию сама Цветаева в 1940 году. Тогда он не увидел света. Очень тщательно готовившая его Марина Цветаева за неделю до того, как сдала сборник в издательство, в тетради у себя сделала запись: «... Почти уверена, что не возьмут, диву далась бы – если бы взяли». И все-таки, все-таки... жила надежда и скрашивала дни. Марина Ивановна охотно всем, кто просил, читала стихи. В Голицине среди благодарных слушателей был и критик Корнелий Зелинский.

И вестить не ведала Марина Ивановна, «что этот же Зелинский ее книгу разрежет. Именно ему было доверено написать так называемую внутреннюю рецензию на только что сданный сборник ее стихов. Рецензия Зелинского хранится сейчас в РГАЛИ, в аккуратной папочке, где все строго пронумеровано, все рецензии-разносы и рецензии-доносы знатока литературы и ценителя поэзии. Вот несколько строк из этой рецензии: «... Это стихи «с того света», нечто диаметрально противоположное и даже враждебное представлениям о мире, в кругу которых живет советский человек... Душная, больная, печальная книга... Они (стихи – Н.Л.) формалистичны в прямом смысле этого слова, т.е. бессодержательны...».

⁵ **Марина Цветаев.** «Деревья! К вам иду!», с. 213.

Оценку Зелинскому успела дать сама Цветаева, написавшая на машинописном экземпляре не принятого к изданию сборника: «Человек, смогший аттестовать такие стихи как формализм – просто бессовестный. Это я говорю из будущего».

Так вот, рецензию Зелинского для будущего бережно сохранил государственный архив. А что же рукопись самого сборника? Позаботился ли кто-нибудь о ней? Нет, не позаботился никто. Он сохранился чудом и чудом же попал ко мне. Его мне подарила судьба. А Цветаева, между прочим, говорила, что всякая случайность закономерна.

Как же это было? Есть такая детская поэтесса, все мы ее знаем, несколько поколений детей воспитывалось на ее стихах – Елена Александровна Благинина. Она имела салон в Москве. Ну, что значит салон, она просто приглашала близких людей, и проходили такие литературные встречи, читались стихи, устраивались поэтические состязания. Один из моих друзей меня в этот салон пригласил, я пришла вместе с ним, и так произошло мое знакомство с Еленой Александровной. Была у меня такая привычка: играть в литературный пинк-понк. Сейчас этой игры уже нет. Да я и вообще нигде не видела, чтобы в нее играли, только у Елены Александровны. Как это происходило? Она предлагала тему, Ахматову, скажем:

*Не дышали мы сонными маками,
И своей мы не знали вины.
Под какими же звездными знаками
Мы на горе себе рождены?*

А ты должен был ответить ей тоже ахматовской строкой. И так далее, пока не истощится у тебя запас стихов того или иного поэта. То есть дуэль настоящая. И вот когда Елена Александровна предложила Цветаеву, тут уж (это мой был конек!) я ее переиграла. Она была поражена. Встала (вообще очаровательная, очень красивая была женщина), подошла к столу, вытащила из ящика альбом и сказала: «Раз так, я подарю вам свою драгоценность». И протянула мне рукопись цветаевского сборника 1940 года. Собственно, это была уже не рукопись, а перепечатка... Потом Елена Александровна рассказала мне, как зимой 1942 года в Красноуфимске зашла она в здание школы, где размещался эвакуированный Гослитиздат. Большой актовый зал. На полу валяется тетрадка, она поднимает ее и читает:

*К тебе, имеющему быть рожденным
Столетие спустя, как отдышу, –
Из самых недр, – как на смерть осужденный,
Своей рукой – пишу:
– Друг! Не ищи меня...*

Так, не ища, совершенно случайно, нашла Елена Благинина рукопись последнего сборника Цветаевой.

«С Мариной Цветаевой, – привожу дословно ее рассказ, – я познакомилась до войны в голицынском доме творчества. Я трепетала перед ней. Ее сти-

хи – колдовство!..

*Емче органа и звонче бубна
Молвь – и одна на всех:
Ох – когда трудно, и ах – когда чудно,
А не дается – эх!*

Какая красота! Вот как надо писать стихи! И тетрадь с такими стихами – распростертая на полу! Я оглянулась – никого! Пустой зал, кругом одни столы, одни бумаги. Думаю, если я эту тетрадь не спасу, она пропадет. И украла. Унесла с собой. А потом увезла... в Москву.

Жаль, эту рукопись у меня вымолил один страстный собиратель всяких раритетов. Он для меня ее перепечатал на машинке, переплел в парчу. Вот она – моя драгоценность!».

Так вот – просто и щедро – подарила мне Елена Александровна тетрадь, точнее, альбом со стихами, которые Марина Цветаева предложила в далеком 40-ом к печати. «Страстный собиратель всяких раритетов», ограбив, все-таки пощадил: в альбоме оказалась фотокопия одной из страниц рукописи – оглавление книги...

Прежде чем издать свою книгу, я над ней долго работала. Теперь это не только сборник 1940 года, каким его составила сама Цветаева, но и история его неиздания. В книгу вошел тот же Корнелий Зелинский, люди, оставившие воспоминания о Цветаевой тех лет, в том числе Лидия Чуковская, да и многие другие. Там и о приезде Цветаевой на родину рассказано, и о том, как она сборник свой составляла, как предложила его к печати и как потом его рассыпали. Назвала я книгу – «Где отступается любовь...».

Чтобы издать ее, мне, конечно, приходилось хитрить. Тут, в Армении, по-своему «протаскивали» Марину Цветаеву, по-своему хитрили. А я в Карелии (правда, и времена были уже другие) приучала свое правительство к тому, что есть такой большой поэт и его надо издавать. Приближался 1991 год – дело шло к 50-летию со дня гибели Цветаевой. Да и столетие поэта было не за горами. И я написала Председателю Совета министров, которого совершенно не знала и который, скорее всего, совершенно не знал Цветаеву: «Уважаемый Сергей Петрович! Чем лично Вы встретите 100-летний юбилей Марины Цветаевой?». Дальше я предлагала свою книгу, говорила разные убедительные слова. Но, по-моему, решающую роль сыграл первый мой вопрос: адресат мой был ошарашен и передал книгу в Гослитиздат.

Григорий Фролов, которого я знала, директор Гослитиздата, пришел как-то ко мне и говорит: «Наталья, какое отношение имеет Цветаева к Карелии? Она хоть что-нибудь написала о ней?». А я ему говорю: «Ну, слушай». И прочла с выражением и ударением – «Это шире Ладоги!..» Он молчит. «Вот и все, – сказала я. – Это единственная строчка Цветаевой, написанная о Карелии».

Но разве важно, о Карелии ли она писала, об Армении ли? Она писала о человеческой душе, о любви, о том, чему безразлична всякая география... Ну, короче говоря, они издали сборник 40-го года.

Когда я приехала в Москву – отмечали 50 лет со дня гибели Цветаевой, – я положила эту книгу рядом с цветами. Там даже не цветы были, а много рябины – в Борисоглебском переулке, в неоткрытом тогда еще музее. Я оставила книгу среди веточек рябины, и потом мои борисоглебские друзья сказали мне, что той книги они в глаза не видели. То есть кто-то ее увез. И это очень хорошо. Потому что тот, кто ее увез, тому и надо было увезти. Так же точно, как почему-то надо было, чтобы нашла рукопись в Красноуфимске именно Елена Александровна Благинина, знавшая и любившая Цветаеву.

Точно так же, как надо было, надеюсь, чтоб подарила она ее именно мне, и как надо было, чтоб я ее в Карелии издала...

Ключевые слова: *Цветаевские чтения, Ереван, Ларцева, Петрозаводск, литературно-культурная деятельность, сборники*

SUSƏUNU ԳԵՎՈՂԳՅԱՆ – Ն. Վ. Լարցևայի և Երևանում ցվետսևյան ընթերցումներին նրա ելույթի մասին – Հեղինակը ներկայացնում է Մ. Յվետսևայի կենսագրության և ստեղծագործության գիտակ Ն. Վ. Լարցևային, տալիս է նրա անձի և գործունեության բնութագիրը և ծանոթացնում է 2002 թ. Երևանում Ռուս-հայկական (Սլավոնական) համալսարանում կայացած ցվետսևյան ընթերցումների ժամանակ նրա կարդացած զեկուցմանը:

Բանալի բառեր – *ցվետսևյան ընթերցումներ, Երևան, Լարցևա, Պետրոզավոդսկ, գրական-վշակության գործունեություն, ժողովածուներ*

TATYANA GEVORGYAN – On N.V.Lartseva and Her Speech at Tsvetaeva-Readings in Yerevan. – The author presents N.V.Lartseva as a literary and cultural worker, an expert in Tsvetaeva's biography and poetry and makes known her speech in Russian-Armenian (Slavonic) University (Yerevan, 2002).

Key words: *Tsvetaeva-Readings, Yerevan, Lartseva, Petrozavodsk, literary-cultural work, collections*